

## БЕСЕДЫ С ЧИТАТЕЛЯМИ

ОТКРЫТИЕ  
КРАСОТЫ

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ отношение людей к действительности глубоко связано с разными сторонами их жизни. Разве каждого из нас не восхищают прекрасные пейзажи — морские, степные, горные, удивительная пластика движения животных, полет птиц? Мы ежедневно, ежечасно наслаждаемся — осознанно или неосознанно — различными проявлениями красоты: в природе, в общении людей, во всей жизни. Более того — мы ощущаем постоянную потребность в этом.

В парке «Сокольники» здала от центральных аллей есть площадка в кедровнике, возле которой всегда много народа. На деревьях и возле — деревянные дощечки-кормушки. Гомон, щебетание птиц такое, что не слышно человеческого голоса. Сюда приходят и заведутся с пакетиками с кормом, и случайные посетители. И здесь я вижу проявление человеческого тепла, добрые чувства и благодарность к тем, кто сохранил чуть ли не в центре Москвы прекрасный уголок живой лесной природы. Но в то же время рядом я вижу людей, которых не трогает обаяние птиц, леса? Что это — неспособность воспринимать прекрасное или эстетическая глухота и слепота? Нет ли в этом и нашей, художников, вины?

Да, мы должны беречь естественную красоту. И умножать ее, создавая эстетическую атмосферу жизни! И тут искусство призвано сказать свое веское слово, пробудить в человеке чувства добрые, научить его видеть прекрасное в обыденном, окружающем, в людях, наконец, в самом себе.

В юности мне казалось, что нет более привлекательной профессии, нежели профессия писателя. Смотри, наблюдай жизнь, природу, людей и описывай в книгах. Потом я понял, что для этого необходимы иные способности, которых у меня не доставало. Правда, однажды мне удалось совершить удивительно интересную поездку по миру. Я записал свои впечатления, порожденные встречами, обычаями, природой. И родилась книга! Но стал ли я писателем? Конечно, нет. Чехову достаточно было такой обыденной детали, как бутылочное горлышко, лежащее на дамбе, чтобы передать все обаяние лунной ночи. Когда же я описывал ночь в Индии, мне нужны были какие-то особенные, исключительные обстоятельства: остановка в девственных индийских джунглях, тревожащие звуки в ночной глуши, неизвестные птицы...

И. Бунин рассказывал о себе: «Зре-

Борис ЧИРКОВ,  
народный артист СССР

□ □

ние у меня было такое, что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги...» И далее: «Было такое обоняние, что отличался запах росистого лопуха от запаха сырой травы. ...Повышенная восприимчивость к свету, к воздуху, к малейшему их различию». Известно, например, что Лев Толстой, обладая острым зрением, огромной наблюдательностью, описал в своих произведениях 85 оттенков выражения глаз и 97 оттенков улыбки! Он, обращаясь к своим детским воспоминаниям, словно сам удивлялся своей памяти. Говорит: «Странно то, что я как теперь вижу все лица дворовых и мог бы нарисовать их со всеми мельчайшими подробностями...»

Недавно мы дома перечитывали рассказы Паустовского, и вдруг явственно вспомнились нам в заснеженном подмосковном лесу и заяц, запутывавший свои следы перед лыжниками, и нежные, нахохлившиеся комочки снега на еловых веточках, похожие на воробьев, и то, как «снега распространяли чистый, острый запах». Так пахнет ветер, так пахнет лед, тающий во рту, так пахнет юность». Случилось чудо, когда острота и необычность зрения писателя словно сообщаются, передаются тебе, и ты видишь все ярче, выуклее, многоцветнее. И более того — это видение становится твоим, ты начинаешь тоже так воспринимать, так видеть природу в образах. Не в этом ли акте сотворчества зрителя, читателя с художником кроется вся притягательная, волшебная сила искусства?

КОГДА я стал актером, начал сниматься в кино, играть на сцене, удивительно раздвинулись рамки моего бытия: я словно бы жил и в XVII веке и даже в XXI, прожил сотни разных жизней, познал истинную меру добра, социальные истоки зла, был бесконечно разным человеком. И всякий раз радовался волшебству своей профессии. Но потом я понял, что и зрители, если я их захватывал своей игрой, соперничали со мной эти жизни. И происходило удивительное, когда в письмах ко мне они называли меня именем героя кино-трилогии о Максиме, писали, что Максим стал частью их жизни, называли

Максимами своих сынов. И растут сегодня в стране нашей эти Максимы, приняв эстафету отцов.

Хочется, чтобы и они были людьми такими же. А сегодня наше социалистическое общество дает все возможности для развития каждого таланта. Более того, научно-технический

социальный и прогресс нашей жизни настоятельно требует этого от каждого человека. И тут искусство может и должно стать незаменимым помощником, мудрым советчиком, добрым товарищем, должно помочь сделаться лучше, красивее. Нельзя сегодня жить только так: утром ты идешь на работу, выполняешь норму, потом пришел домой, поел, вечером сыграл во дворе в домино, сходил на танцы или посидел у телевизора. Еще один день прошел! По-моему, так жить нельзя. Тем более в нашем обществе, где человеку принадлежит все, где даны ему все возможности познавать, видеть все прекрасное, что есть в мире, где раскрыты перед ним все духовные богатства человечества.

Искусство может пробудить любознательность, натолкнуть на стезю познания мира. Являясь образным человековедением, искусство раздвигает рамки жизни человека, вводит в гущу современных проблем, наполняет его бытие высоким смыслом и содержанием, побуждает к творчеству в любой сфере труда.

Серьезная музыка, живопись, литература развивают умение видеть мир более многоцветно. Такие синтетические виды искусства, как театр и кино, неизмеримо повышают культуру. Вся радуга искусства сегодня в твоих руках, и каждое соцветие в нем, открывая мир по-своему, неповторимо, облагораживает, воспитывает, приобщает к высоким идеям, действительному гуманизму.

Поэтому у нас не должно быть равнодушных произведений. Каждая наша картина, спектакль, книга — наше боевое идейное оружие.

У НАС много появляется фильмов. Зрителям полюбили, например, такие замечательные картины, как кинопоэма «Освобождение», как кинороман-хроника «Угрошение огня», рассказывающие о народном героизме, о подвиге человеческой жизни. К ним я отнес бы и некоторые другие фильмы последних лет. Казалось бы, совсем из другого «ряда» фильм «Дождь до понедельника», поднимающий жизненно важные — особенно для молодого поколения — проблемы нашей действительности. Я думаю, прекрасно, что есть такая картина. Я хорошо помню фильм «Белое солнце пустыни», потому что он открыл для меня удивительно, по-новому образ русского солдата, и более того — русский народ, из которого я сам вышел, с его добро-

той, нежностью к людям, широтой души, с высоким чувством долга перед Революцией. Я бы хотел походить на солдата, созданного артистом А. Кузнецовым. Мне кажется, что, если такие же чувства унесет с собой и зритель, то они помогут ему стать мужественнее, лучше и духовно богаче. Я хочу назвать и фильм «Отец солдата». Здесь не только удивительна игра Серго Закариадзе, но и глубоко человечески мысли, чувства, та любовь к своему сыну, народу, Родине и то отрицание всякой несправедливости, неправды, которые и делают человека Человеком, которые дают возможность ему самому себя уважать...

Радует успех фильма «Это сладкое слово — свобода!» на минувшем Московском международном кинофестивале.

Конечно, не всегда удастся нам создавать такие яркие картины и образы, как это удалось в этих картинах В. Тихонову, А. Кузнецову, С. Закариадзе, К. Лаврову, Р. Адомайтису. Но намерение, желание-то такое у истинного художника должно быть всегда. Не мерой того, как я покажу себя людям в фильме, а как я помогу людям, моим современникам, познать прекрасный дух времени, измерят вклад в искусство. Часто, к сожалению, еще весьма часто мы видим и на экране, и на сцене, и в выставочных залах, и на концертах произведения, в которых главное — стремление художника «оригинально» показать себя, «чрезвычайность» своего характера, взгляда на жизнь, своей манеры. И незаметно для самого художника истинная оригинальность превращается в свою противоположность — в оригинальничанье, манера — в манерничанье, многосложность взгляда — в ложную многозначительность.

И все-таки смысл нашей деятельности — в том неустанным недовольстве собой, которое и придает новые силы, заставляет искать и делать открытия, двигаться дальше в искусстве. Святые самим собой недовольство! Недовольство тем, что не удалось тебе так ярко и неповторимо выразить свои мысли и чувства, как хотелось бы. Значит, еще не так глубоко ты заглянул в жизнь, познал ее противоречивую многосложность, недостаточно четко и ясно раскрыл волнующую идею, чтобы произведение твое задышало, зажило бы своей самостоятельной жизнью, волнует сердца зрителей, заражая их обаянием красоты мыслей и поступков человеческих.

Создавая новые и новые произведения, художник должен думать не о себе, а прежде всего о талантливом зрителе, который приходит не только на встречу с ним, но и желает открыть мир Красоты, мир современного Человека, мир его мыслей и чувств. К таким высоким целям должны стремиться мы, зрители и художники. Рука об руку. В этом великий смысл советского искусства, народного детища, возвышающего и облагораживающего человека, которого Время призывает быть тоже художником.